

Кугай Александр Иванович

д-р филос. наук, профессор

Северо-Западный институт управления

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ»

г. Санкт-Петербург

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОСИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ

***Аннотация:** в статье продемонстрировано, что мышление, которое включено в экосистему, основано на радикальной хайдеггеровской переформулировке интерпретации и значения экологии. Акцент в формировании экосистемного мышления делается на вовлеченности в природу, а не на отстраненном наблюдении за нею. Автор отмечает, что природа вовлеченности является активным интерпретативным включением через дискурс; такой подход помогает людям исследовать природу как живую реальность, а не наблюдать или описывать ее объективным образом.*

***Ключевые слова:** экосистемное мышление, субъект, природа, дискурс, философия.*

От Декарта до Гуссерля люди рассматривались в основном и прежде всего, как субъекты в мире объектов, где главными заботами были природа восприятия и знания. Хайдеггер придерживался мнения, что эта перспектива возникает только как вторичный уровень заботы и что необходимо рассмотреть более фундаментальные и характерные черты. Следуя феноменологическому подходу Гуссерля, позволяющему вещам показывать себя такими, какие они есть, а не как пример той или иной теории, Хайдеггер [3] обнаружил, что люди в своей повседневной деятельности не относятся к вещам как субъекты, относящиеся к объектам: в наших наиболее характерных способах бытия мы не являемся субъектами, зрителями, наблюдателями, отделенными невидимым зеркальным стеклом от мира объектов, в котором мы находимся. Мы не оторваны от внешней реально-

сти, которая находится «там», пытаюсь получить знание о ней как о чем-то категорически отличном от нас, и пытаюсь соотнестись с ней. Напротив, мы являемся неотъемлемой частью всего этого, и с самого начала мы находимся среди всего этого, находясь в нем, справляясь с ним [9, с. 258]. В системном плане это переводится в точку зрения, что человеческие системы не могут рассматриваться как независимо существующие объективные реальности. Такая точка зрения была отождествлена с наивным реализмом, который определяет подход классической науки, технологии и инженерии. Однако также важно подчеркнуть, что Хайдеггер не хотел отрицать ценность традиционной позиции и считал, что объективные требования науки имеют важное место. Он хотел продемонстрировать, что большая часть человеческой деятельности не направляется сознательным выбором или рациональными процессами, и что научный взгляд вторичен и зависит от фона общих навыков и практик. Прежде всего, мы являемся совладающими существами, всегда уже вовлеченными в мир, и поэтому мы не можем ожидать, что научный взгляд или любой другой взгляд, основанный на дихотомии субъект-объект, объяснит смысл и значение нашего повседневного мира: То, что делает возможным мое отношение к объектам, не является чем-то в моем сознании, как считал Гуссерль, а чем-то за пределами моего сознания – миром общих вещей и практик. Хайдеггер называет общий смысл в наших общих практиках нашим пониманием бытия [9, с. 263].

Позже мы увидим, что этот «мир общих вещей и практик» можно приравнять к «экологии разума», которая лежит в основе экосистемной психологии. Более того, эти основные соображения привели Хайдеггера к его так называемому герменевтическому повороту, где он «делает интерпретативное понимание центральным способом человеческого существования (Dasein)» [8, с. 170]. Герменевтика Хайдеггера радикальна в том, что она избегает идей субъекта и объекта, познающего и познаваемого: его герменевтический поворот показывает, что менталистский словарь субъектно-объектной модели не является единственной возможной отправной точкой для философии, и что этот словарь является про-

изводным от более базовой отправной точки, где Dasein и мир совпадают в понимании. Хайдеггер рассматривает Dasein и мир как образующие круг, и таким образом он расширяет герменевтический круг между текстом и его чтением до самого изначального уровня человеческого существования [8, с. 172].

Гадамер, [4] который был первым философом, развившим идеи Хайдеггера об интерпретации в общую герменевтику, утверждал, что попытка понять социальное действие ни в коей мере не связана «с поиском причин или формулированием законов, но полностью с круговым процессом стремления понять целое с точки зрения его частей, а его части с точки зрения вклада, который они вносят в смысл целого» [11, с. 7]. По мере того, как Гадамер развивает свой анализ, он подчеркивает ограничения наших собственных горизонтов и предубеждений, которые мы неизбежно привносим в любую форму понимания, и обесценивает возможность нахождения независимой «объективной истины»: Самое большее, на что мы когда-либо можем надеяться, – это слияние горизонтов, частичное сближение между нашим настоящим миром, от которого мы никогда не сможем надеяться отделиться, и другим миром, который мы пытаемся оценить [11, с. 7].

Одним из наиболее важных влияний на эти разработки была поздняя философия Витгенштейна с ее антипозитивистским взглядом на то, что значение является вопросом использования и что понимание любого значимого эпизода всегда зависит от конкретной «формы жизни», в которой происходит эпизод [12, с. 8–12].

Гадамер разделяет с остальной герменевтической традицией акцент на понимании как на вопросе обязательства – это тема, которую он взял у Хайдеггера, но сделал во многом своей собственной. Это означает, что Гадамер считает невозможным понять текст или социальную практику без предубеждений и предрассудков; более того, эти предубеждения и предрассудки: являются тем, что делает понимание возможным в первую очередь. Они связаны с нашим осознанием исторического влияния или эффективности текста; и без этого осознания мы бы его не поняли... Наши «предрассудки» являются не столько препятствием для знания, сколько условием знания, поскольку они составляют фундаментальную структуру наших отношений с нашей исторической традицией [10, с. 25–26].

Однако ситуация в отношении общественных наук более сложная в силу того, что Гидденс назвал «двойной герменевтикой». Проще говоря, это означает, что изучаемые (интерпретируемые) явления всегда критически связаны с интерпретациями явлений, данными членами изучаемого общества:

Социология, в отличие от естественных наук, имеет дело с предварительно интерпретированным миром, где создание и воспроизведение смысловых рамок является самым условием того, что она стремится анализировать, а именно человеческого социального поведения: вот почему в социальных науках существует двойная герменевтика... наблюдающий социальный ученый должен быть способен сначала уловить эти простые концепции, то есть проникнуть герменевтически в форму жизни, черты которой он или она хочет проанализировать или объяснить [5, с. 166–167]. В то время как эпистемология описывает, как возможно знание, герменевтика описывает, как возможно понимание, с оговоркой, что понимание не сводится к знанию, как считают некоторые эпистемологи, а, напротив, что знание лучше всего рассматривать как подраздел понимания [7, с. 50].

Это важное различие в отношении экосистемике, особенно в отношении вопроса репрезентативизма. Эпистемология занимается поиском действительных представлений реальности (подход «можно рассматривать как», упомянутый выше) и является «фундаментальным предприятием, пытающимся отделить знание от других форм убеждений с намерением установить то, что объективно достоверно» [7, с. 51].

Наконец, очевидно, ключевые положения экосистемной философии должны присутствовать в программах досуга молодежи [1] и образовательного процесса [2].

Список литературы

1. Кугай А.И. Позитивное развитие молодежи в контексте семейного досуга / А.И. Кугай // Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 44–53.

2. Кугай А.И. Обучение педагогов методологическим альтернативам и парадигмальным изменениям в европейской образовательной политике / А.И. Кугай // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 12 марта 2024 г.). – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 168–171. EDN ETGHBE
3. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
4. Gadamer H.G. Truth and Method / H.G. Gadamer. – London: Sheed and Ward, 1989.
5. Giddens A. New Rules of Sociological Method / A. Giddens. – 2nd Revised Edn. – Cambridge: Polity Press, 1993.
6. Harré R. The Discursive Mind / R. Harré, G. Gillett. – London: Sage, 1991.
7. Hoy D.C. Jacques Derrida // The Return of Grand Theory in the Human Sciences / D.C. Hoy; ed. by Q. Skinner. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 41–64.
8. Hoy D.C. Heidegger and the hermeneutic turn // The Cambridge Companion to Heidegger / D.C. Hoy; ed. by C. Guignon. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 170–194.
9. Magee B. The Great Philosophers: an introduction to Western philosophy / B. Magee. – Oxford: Oxford University Press, 1988.
10. Outhwaite W. Hans-Georg Gadamer // The Return of Grand Theory in the Human Sciences / W. Outhwaite; ed. by Q. Skinner. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 21–39.
11. Skinner Q. Introduction: the return of Grand Theory // The Return of Grand Theory in the Human Sciences / Q. Skinner; ed. by Q. Skinner. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 1–20.
12. Wittgenstein L. Philosophical Investigations / L. Wittgenstein; ed. by G.E.M. Anscombe. – 2nd Edn. – Oxford: Blackwell, 1958.